

КНИГА ДЛЯ ВСЕХ, КТО ВЛЮБЛЕН В СТАМБУЛ

Босфорские берега

или стамбульский калейдоскоп

НАТАЛЬЯ ШУВАЛОВА

Наталья Шувалова

**Босфорские берега. Книга для
всех, кто влюблен в Стамбул**

«Издательские решения»

Шувалова Н.

Босфорские берега. Книга для всех, кто влюблен в Стамбул /
Н. Шувалова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-562136-8

Византий, Константинополь, Стамбул, Царьград — у этого города много имен. Но он всегда покорял сердца людей своим многообразием — шумные восточные базары, тихий шепот Босфора, крики чаек, аромат кофе, хруст симитов и протяжный вечерний азан никого не оставляли равнодушными во все времена. Эта книга — стамбульский калейдоскоп, многообразный и яркий. За мной, в извилистые переулки Стамбула, которые таят в себе неуловимую магию, прошедшую сквозь века!

ISBN 978-5-00-562136-8

© Шувалова Н.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Стамбул и судьбы	7
Пушки Румели Хисары	7
Сухопутные корабли Мехмета Фатиха	9
Кофейные зерна для королевы	12
Турецкая птица	15
Османские ордена Ивана Айвазовского	17
50 лир для Мушфики Кадын Эфенди	19
Человек, который продал Стамбул	22
Ты помнишь, Босфор?	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Босфорские берега

Книга для всех, кто влюблен в Стамбул

Наталья Шувалова

© Наталья Шувалова, 2022

ISBN 978-5-0056-2136-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Всю свою жизнь я пишу.

Полгода тому назад, разбирая свои ежедневники с путевыми заметками, листочками с зарисовками и прочим, привезенным из многочисленных поездок, я подумала – нужно привести все это в порядок.

Сказано – сделано.

Я стала разбирать свои бумаги – и тут уже подключились мои друзья, которые сказали: «Это должно жить, это должны читать люди».

Так у меня появился Телеграм со стамбульскими заметками.

И – неожиданно для меня самой оказалось, что вокруг много людей, которым интересно читать мои зарисовки. Которые мотивировали меня писать дальше, помогали советом, ругали, критиковали, вдохновляли...

То, что сегодня вы держите в руках эту книгу – заслуга этих людей. Именно их помощь и поддержка дали мне решимость ее издать.

Я всегда говорила, что магия – она не в вещах.

В людях.

Именно этим людям я и хочу посвятить этот сборник.

С любовью, ваша Ната

@istanbuls_soul

Стамбул и судьбы

Пушки Румели Хисары

Зеленые и живописные берега района Бебек известны многим своими дорогими аппаратами, дизайнерскими кафе и ресторанами, презентабельными белыми яхтами, что ожидают своих владельцев, мирно качаясь у берегов. В Бебек любят снимать фильмы, и, гуляя по набережной, можно легко попасть в кадр и войти в историю турецких сериалов.

Но так было не всегда.

В начале пятнадцатого века на берегу нынешнего Бебек жили рыбаки, и называлась эта местность просто – *iskele*, что в переводе со староосманского означало «пристань». Небольшая рыбацкая деревушка лепилась к склону холма, и ничего примечательного в ней не было, пока султан Мехмет II не решил реализовать свою золотую мечту – положить к своим ногам Византию и захватить Константинополь.

А для этого султану-тактику нужно было захватить контроль над Босфором, и он, собрав тысячу архитекторов-проектировщиков и две тысячи строителей, повелел как можно скорее возвести на берегу крепость. Контроль над строительством он поручает Мюслихиддину-аге, известному зодчему того времени.

Конечно, император Византии Константин XI, узнав о строительстве, сразу же направил послов к Мехмету II, чтобы известить его о том, что не пристало строить крепость без разрешения Византии, но Мехмед послов не принял. Константин решил послать делегацию к султану во второй раз, но султан не изменил своего решения и снова не принял послов, и этот жест означал уже неприкрытое противостояние императору.

И совсем скоро в воды Босфора горделиво и амбициозно смотрела грозная Румели Хисары.

Просто вдумайтесь – современный стандартный жилой дом в двадцать первом веке, имея в своем распоряжении подъемную технику, сооружают за год; огромную боевую крепость, толщина стен которой семь метров, поставили всего за четыре с половиной месяца, при этом современный дом, скорее всего, лет через пятьдесят объявят аварийным, а через сто он рухнет самостоятельно; крепость же стоит до сих пор, пережив пожары, землетрясения и даже династию Османов.

Мехмет II лично следил за ходом строительства и давал имена сторожевым башням: одну башню он назвал в честь своего великого визиря Халилия – паши, другую в честь своего помощника Загана-паши, а северная башня была названа в честь Саруджи-паши, известного воина, который не знал страха и отважно шел вперед, веря в победу своего султана.

Когда строительство завершилось, проход кораблей через Босфор в самом стратегически удобном месте оказался перекрыт, и в народе крепость стали именовать «*Boğazkesen Hisarı*», что означает «перерезанная глотка». За проход торговых купеческих кораблей османы брали немаленькую плату, так что помимо стратегического значения крепость приносила огромные деньги.

Известен случай, когда венецианское судно хотело войти в Босфор в обход платы и было расстреляно из пушек, а оставшихся в живых матросов султан повелел показательно посадить на кол.

Эта показательная казнь дала понять всем – к Константинополю живым без ведома султана больше не пройдет никто, а почти пятьсот янычар готовы в любой момент открыть огонь по судам-нарушителям из огромных пушек, и пушки эти до сих пор бережно хранятся на территории Румели Хисары, и их может увидеть любой желающий.

Кстати – пушки сделал венгерский мастер, Урбан, и Мехмет II, видя, что оружие это сильное, снова вызвал к себе мастера и спросил, можно ли сделать пушку, которая разрушила бы стены Константинополя.

Урбан сделал расчёты и сказал – можно.

Сказано – сделано. Мастер Урбан отлил восьмиметровые огромные пушки. Ядра для них были диаметром почти метр, а сами пушки состояли из двух частей, которые скреплялись при помощи гаек и болтов. Обратной стороной медали было то, что такая огромная пушка не могла целиться, но – городские стены тоже были немаленькие и промахнуться мимо них было сложно.

Из-за больших размеров пушек их перезарядка занимала около четырех часов, поэтому каждое орудие могло стрелять максимум пять раз в день, но на устранение разрушения от одного выстрела требовалась целая неделя, и во многом благодаря этим пушкам, Константинополь удалось захватить.

Ну а после взятия Константинополя Румели Хисары выполняла важную роль дозорного пункта и таможни, но в шестнадцатом веке она сильно пострадала от землетрясения. Восстановили ее быстро, но использовать стали уже в качестве тюрьмы, но в восемнадцатом веке крепость снова пострадала, но этот раз от пожара. Селим Третий пытался восстановить крепость, но не успел, и после его смерти она постепенно разрушалась. И только в 1953 году начались реставрационные работы, и сегодня в крепость может попасть любой желающий.

Сейчас это тихое и спокойное место, весной там цветут редкие травы, посаженные сотрудниками музея и поют птицы, а вид на Босфор никого не оставит равнодушным.

Древность, спокойствие и основательность.

Румели Хисары часто называют достопримечательностью «второго порядка», но лично для меня она – первая. Стамбул, каким мы его знаем, начинается именно здесь, с этого места, с молчаливых стен, помнящих шаги Мехмета II, голос Мюслихиддина-аги, командующего строителями, грохот пушек Урбана и звон огромной цепи, которой перекрывали Босфор.

Кстати о цепи...

Хотя это уже будет рассказ о тех самых событиях мая 1453 года, а это – уже совсем другая история.

Сухопутные корабли Мехмета Фатиха

– Пока что дела обстоят так, мой повелитель, – великий визирь Халил-паша склонился в почтительном поклоне.

Мехмет II задумчиво смотрел куда-то вдаль, туда, где плескал волнами чёрный, пока ещё чужой Босфор, где-то вдалеке слышалась песня янычар у костров, кто-то смеялся.

– Значит, этот негодный генуэзец Джустиниани продолжает сопротивление, – наконец неторопливо сказал султан, – он все ещё не понял, что обречён. Что ж, ему же хуже. Я слышал, что на защиту города прибыли новые суда, это правда?

– Да, повелитель, – визирь теребил пояс халата, – нам не пройти в Золотой рог. Византийская цепь... Вы же знаете, что наши суда не могут пройти мимо этой преграды. Может, стоит немного подождать? Генуэзцы рано или поздно уведут корабли, они не смогут стоять у стен города вечно, и тогда...

– Хватит! – Мехмет резко повернулся, и великий визирь, так и не привыкший к резкости своего господина, вздрогнул, – Мы возьмём город не позже, чем через три недели.

Халил-паша подавил вздох. Он совершенно не представлял, как можно взять Константинополь за такой короткий срок, учитывая, что ход в Золотой рог был намертво закрыт.

Конечно, у них были янычары, но основная сила – это корабли, галеры и гигантские пушки мастера Урбино, одними янычарами город не взять. А корабли при попытке подплыть к Галатскому холму подвергались обстрелу, натыкались на цепь и вынуждены были повернуть обратно.

– Если мы не можем взять город с воды, мы захватим его с суши, – меж тем продолжал султан, глядя все также вдаль, – завтра на рассвете янычар-ага получит приказ. А сейчас нужно спать, Халил, завтра будет великий день.

Если бы Халил – паша хотя бы чуть-чуть представлял себе, что сделает утром повелитель, то, наверное, не сомкнул бы глаз.

Но он, как и янычар-ага, узнал обо всем только утром.

Утро янычара-аги не задалось с первого луча солнца. Подсчёт убитых во вчерашней вылазке, недовольство десятников – уж сколько времени осаждаем город, а ничего, кроме потерь, не видим, к тому же заканчивались продукты, и янычар —ага послал несколько своих доверенных людей узнать, когда к осажденному городу снова поплывут продуктовые суда, чтобы пополнить собственный провиант за счет противника.

А теперь еще разговор с султаном.

Втайне янычар-ага надеялся, что неугомонный Мехмет отдаст приказ снять осаду, но опыт подсказывал ему, что просто так упрямый султан от своего намерения не отступит.

– Бисмиллях иррахман-иррахим, – бормотал себе под нос ага, идя к султанскому шатру, – Аллах да пошлет ему мудрости, а нам – победу. А если не победу, так хотя бы терпения.

Но, выслушав приказ султана, янычар-ага потерял дар речи.

– Мой повелитель, – он, с круглыми от удивления глазами смотрел на султана, – это невозможно!

– Это возможно! – припечатала Мехмет, – и вы сделаете это для меня и для великой империи Османов.

– Но повелитель, янычары не носильщики, не строители, они воины. Они будут возмущены и поднимут бунт...

– Скажи янычарам, – чеканя каждое слово заговорил султан, – что, когда город падет, я дам им три дня на разграбление. Вы сможете взять себе все, что пожелаете. Мне и Османской империи нужна эта победа, и вы мне ее принесёте.

Пятясь, янычар -ага покинул шатёр повелителя и начал готовить военную операцию, которая навсегда впишет имя его повелителя в историю и благодаря которой Мехмет II получит прозвище Фатих, Завоеватель.

От современного Долмабахче, где в апреле 1453 года была ставка Османов до Галатского холма, на территории которого за стенами Пера засели византийцы, примерно три мили.

Чтобы понять масштаб, на досуге советую вам прогуляться от Долмабахче до Галатского моста, по современной дороге, но все по тем же стамбульским холмам, где путь идет то с горы, а то и в гору. Скорее всего, вы устанете и у Галатского моста уже вам будет не до прогулок – посидеть бы и чаю выпить.

Так вот, Мехмет II дал приказ – подготовить в кратчайшие сроки дорогу, которая привела бы его прямо к Золотому рогу.

Работа кипела и днем, и ночью, и, когда дорога была готова, на нее положили смазанные салом деревянные катки. До стёсанных рук верные янычары обкатывали брёвна, до гладкости натирали жиром, невзирая на занозы и стёсанные пальцы. Потому что каждое твоё движение угодно Аллаху и повелителю.

Каждый метр дороги был путем к победе.

Они не знали, но каждый шаг их станет легендой, что пройдет века.

Для отвлечения внимания противника в Босфор были выпущены пара юрких кораблей, которые задорно палили по защитникам Константинополя из пушек и ловко маневрировали.

А куда византийцы ловили корабли, с другой стороны Пера, по суше, в свете факелов и под бой барабанов янычар двигалась необычайная процессия.

На руках, волах и лошадях, сбивая колени, локти, ноги, тысячи людей во славу своего повелителя и империи Османов несли по суше военные корабли и гигантские боевые пушки. Всю ночь, шаг за шагом приближая победу, отдавая силы за каждый метр пока ещё чужой земли шли они.

– Вы – те, кого будут помнить в веках. За вами грядущие. Вы – рождённые умирать или покорить. Так идите же и возьмите!

Эхом звучали эти слова в каждом, кто шёл в ту ночь. Эхом отдавались они спустя поколения поколений.

Их султан, повелитель, одержимый верой в себя, воспитанный Хюма-хатун, Мехмет II, шёл рядом, шаг за шагом, впереди шествия.

Он – верил.

Он знал, что Хюма – райская птица, и тень от неё приводит мужчину к славе. Хюма - хатун, Хюма – птица была его матерью, и сегодня ночью сбывались все те слова, что она пела ему перед сном.

Только вперед.

Он шёл впереди верных ему людей и видел свет. Столицу великой империи Османов.

Город, перед которым будет падать ниц гордая Европа, империю, которой не будет равных.

Он вёл своих людей в легенду. И сам становился легендой с каждым их шагом.

Каждый метр этой ночи Мехмет прошёл вместе с янычарами.

А когда есть тот, кто ведёт тебя в бессмертие, разве есть дело до боли и страха?

Ветры Босфора пьянили победой.

В ту ночь более семидесяти боевых кораблей были перенесены к стенам Константинополя, и утренний намаз был совершен уже по ту сторону цепи, на берегах Золотого рога.

Город оказался осажденным со всех сторон.

А дальше была осада, изнуряющая – и азартная.

Османы рыли подкопы. Они бомбили из пушек и пели победные песни.

– Я верю в нашу победу, – каждое утро говорил Мехмет своим воинам.

А если верит повелитель, если он сверкает глазами и смеётся – разве может не верить ему простой воин?

Перед решающей битвой Мехмет повелел устроить иллюминацию.

Ещё не победившие город, но уже ощущающие себя победителями, турки играли победную мистерию. И вечером в понедельник Константинополь был опоясан кольцом огней, во всех направлениях – кругом стен, на галерах возле Золотого Рога и на высотах Перы – горели пропитанные маслом факелы и костры из смолистых деревьев. Пики турецких солдат тоже были снабжены факелами. До стен города долетали радостные крики турок, заранее праздновавших победу.

Барабаны янычар играли победные марши.

29 мая 1453 года Константинополь пал.

Кофейные зерна для королевы

Ещё недавно в Бейоглу по утрам можно было наблюдать такую картину.

Три чёрные, с хищными мордами, машины неспешно въезжают в переулок и останавливаются около дешевого, неприметного кафе с грязными стёклами и единственным маленьким столом. Из дальней машины выходит внушительных размеров мужчина в идеальном темном костюме и открывает дверь стоящего посередине авто.

Опираясь на его руку, из машины грузно выбирается пожилая женщина в крупных роговых очках и с тяжелой расплывшейся фигурой.

Слегка похрамывая, отпираясь на руку водителя, она проходит к столу и повелительно изрекает:

– Ждите!

Громилы отходят в тень, не мешая своей хозяйке созерцать окрестности.

Старый хозяин кафе тепло улыбается гостю. Он одинок, у него нет сил, а его кафе не модное и не туристическое, и если бы не щедрая утренняя посетительница, заведение давно пришлось бы закрыть. Да и то сказать – заведение! Два стола внутри да один на улочке, из меню чай, кофе и нехитрые сласти из соседней пекарни. Уедет гостья, наступит полдень, придут два таких же старика, станут играть в нарды, пить чай да перемалывать районные сплетни.

Вот и все посетители, вот и все развлечения.

А хозяйка тем временем заказывает неизменный чёрный кофе, закуривает в длинном мундштуке крепкую сигарету, и смотрит на сонный переулок.

– Ты, в отличии от меня, все такой же, – говорит она переулку, и тот отвечает хлопком закрывающегося окна. – А я вот, как видишь, стала стара, – она усмехается, – но ничего, ещё повоюем, ещё повоюем.

Женщина вспоминает.

И вместе с ароматом кофе улетают в далекое прошлое ее мысли.

Вот она совсем девчонка, уезжает из дома напротив учиться в «Notre Dame de Sion», лучшую школу Турции. Незадолго до отъезда выскакивает на улицу, озираясь, дабы кто не увидел, ныряет в тот самый переулок, где сейчас стоит одинокий столик кафе. И мальчишка-Синан отсыпает ей коричневых зёрен, что тайком забрал в кофейне у отца.

– Синан, я боюсь, – она смотрит на него огромными глазами, – как я там буду... Одна совсем.

– А ты не бойся. Вот, держи-ка! Смотри, они какие, гладкие и тёплые, будешь скучать – вдохни запах. Сразу почувствуешь себя дома, и как будто мой отец готовит кофе. – Глаза Синана тогда были такие же темные, как кофейные зерна.

А вот через несколько лет идёт она по Grande Rue de Pera (совр. Истикляль), идёт в отчаянии, и дождь заливает хлипкие туфли, стекает по лицу, мешаясь со слезами. Отец выдаёт ее замуж за благородного, но мягкотелого мужчину. В воздухе витает запах перемен и свободы, и она не хочет оказаться зависимой от жалкого, неумного мужа, ей хочется жить, жить свободно, дышать. Но против воли отца куда пойдёшь...

– Ну что ты, что ты, – успокаивает ее красавец – Синан, он в военной форме, но для него она все такая же маленькая девчонка из дома напротив, он греет ее руки своим дыханием, – все сложится, все будет, Всевышний милостив. Смотри, у меня для тебя кое-что есть.

Он высыпает ей на ладонь несколько тёплых кофейных зёрен, и против воли она улыбается.

Вот она стоит у гроба мужа. Ей нужно сожалеть, нужно плакать, но в ее голове бьется только одна мысль – что делать дальше? Что делать??

Бесхребетный, склонный к азартным играм муж промотал все их состояние и, как и всегда, когда возникали проблемы, сбежал. В этот раз, наверное от безысходности, он сбежал в могилу, оставив жену в одиночестве разбираться с кредиторами и займами.

Долговая яма растёт, что делать?

– Главное – не опускай руки, – говорит ей Синан, протирая кофейные чашки, – вот и у меня дела не очень, с поставками кофе нынче проблемы, да и у людей наступают другие заботы, нежели сидеть в кафе. Но нельзя впадать в отчаяние. Вот, держи, – он выдаёт ей одно кофейное зернышко, – вот все, что осталось от моих запасов, дарю! В конце концов, если нет кофе, будем продавать чай, – улыбка Синана разгоняет мрачные мысли.

Вот она пробует шить, но жалких копеек едва хватало на жизнь. Оставшиеся от отца деньги тают, кредиторы наступают на пятки.

– Срочно зайди ко мне, – звонок Синана был тогда неожиданным, ночным, – мне надо тебе кое-что рассказать.

Она пришла к нему ранним утром, и Синан рассказал ей о разговоре, подслушанном у двух вечерних посетителей.

– Ты должна пойти к нему и потребовать половину дела, – убеждал ее Синан, – это твой шанс выбраться из нищеты.

– Я не могу, – она краснела, – это подло. И это грязный бизнес.

– Это жизнь, – резко оборвал ее мужчина, – и жизнь даёт тебе шанс. А это тебе, – на столик перед ней ложатся коричневые зерна кофе. – Я нашёл ещё несколько, для тебя. Как раз хватило на чашку кофе да на твою решимость.

Она думала до следующего утра. Грызла в раздумьях горькие чёрные зернышки.

Ей было страшно, но жизнь загоняла в угол, а это действительно шанс, обречённый на успех.

Утром она надела последнее пристойное платье, и направилась к старому знакомому своего отца.

– Я знаю, что вы затеяли в том доме, что арендовали у моего отца перед его смертью, – сказала она, глядя ему прямо в глаза, – и я требую у вас половину дела. Либо мы занимаемся этим вместе, либо я расторгаю договор аренды и сдаю дом от своего имени другому арендатору. Или продаю. Мне нужны деньги.

– Мадам, – ее собеседник усмехнулся, – вперёд, выгоняйте, вы не найдёте другого арендатора.

– Это вы не найдёте помещения такого класса в Бейоглу, – она стояла на своём, – к тому же, в случае отказа я направлю на вас полицию.

Он сдался.

Тем серым дождливым утром Стамбул спал, и не знал, что идущая переулку маленькая испуганная девушка в стоптанных ботинках только что вступила на путь королевы.

Изголодавшаяся, жадная до денег, помнящая как это – экономить, отказывать себе во всем, она мертвой хваткой вцепилась в свой шанс. Дела вела с необычайной даже для мужчины жесткостью; шла по головам, не боясь ни бога, ни черта. Она слишком хорошо помнила что такое голод, и это осознание гнало ее вперёд.

Очень быстро она прибрала в свои маленькие пухлые ручки все, пустив по ветру своего компаньона и теперь активно работала над расширением дела.

Больше не испуганная девчонка, но уважаемый бизнесмен.

Владелица сети публичных домов.

Мадам.

Через несколько лет сеть борделей Матильды Манукян окутала не только Стамбул, но всю Турцию.

Деньги лились рекой, дело кипело и бурлило. Имя мадам говорили сначала шепотом, а потом и во всеуслышание. Кополева была щедра – она платила самые большие в Турции налоги и отдавала в фонды помощи такие суммы, что даже самые завистливые не могли открыть рот и заявить о грязи ее бизнеса. Тем более что по бумагам все было легально, а мораль, как известно, в карман не положишь.

Дело набирало обороты, состояние мадам росло, о щедрости хозяйки слагали легенды. Ее, за которой теперь стояло целое состояние небольшого государства, приглашали на светские рауты. Когда речь шла о деньгах, люди охотно забывали про добродетель и распахивали перед ней двери своих домов.

Старая женщина улыбается, курит, щурит на солнце глаза и вспоминает, как осадил не желавшего сидеть рядом с ней премьер-министра Турции. Тогда ситуация грозила перерасти в скандал, но когда за тобой стоят большие деньги, очень легко сказать в лицо власти имущему: «Премьер-министры у нас меняются часто, а я, мадам Манукян, одна».

Ее не любили. Армянка по происхождению, она вызвала ненависть у националистов, аморальная по бизнесу – раздражала верующих, неприлично богатая – не сходила с языков социалистов. Ее состояние оценивали в 200 млн долларов, но сама она вызывала лишь раздражение и зависть.

Лишь здесь, в маленькой кофейне в Бейоглу она чувствовала что ее любят и всегда ждут. Просто так. Ничего не ожидая взамен.

Синан давно умер.

В день его похорон тоже шёл дождь, и, вернувшись с кладбища, мадам отпустила машину и долго стояла у переулка своей юности, не веря, что ушёл тот, с кем она всегда была собой – маленькой испуганной армянской птичкой на стамбульских улицах.

Смерть друга была ударом, но она не плакала, давно разучилась. Сын Синана десять лет назад овдовел, потерялся среди нового времени, не смог удержать кофейню, оставив от неё лишь маленький закуток.

Уж сколько раз она предлагала ему свою помощь – гордый, но помнящий любовь отца к этой странной, волевой, такой не похожей на всех остальных женщине, он отказывался, принимая лишь оплату за кофе и сладости, которые если мадам не приезжала лично, ей неизменно доставляли на дом.

– Однако хватит ностальгии, – пробормотала мадам, поднимаясь. К ней тут же подскочил неизвестно где до этого стоявший телохранитель, сопроводил в машину. Бережно усадив хозяйку на сиденье, он протянул ей салфетку:

– Вам просили передать.

Хищная кавалькада, сверкая стёклами, тронулась. Уставшая старая женщина развернула салфетку – несколько кофейных зёрен пахли, как во времена ее юности – надеждой, тёплом и предвкушением счастья.

– Обманчивое ощущение того, что все ещё впереди, – с грустью прошептала она и поглубже вдохнула ласковый аромат. Он напоминал ей улыбку Синана и далекие годы, когда она была счастлива. Ведь была же...

В этот момент погромел взрыв.

Искореженная машина горела, выли полицейские сирены.

– Не время, Тильда. Не время, – молодой, смеющийся Синан ссыпал в ее раненую руку горькие кофейные зерна. – Тебе ещё рано. Это ещё не конец.

Послесловие: после покушения 1995 года Матильда Манукян осталась жива, но потеряла ногу. Впрочем, это не мешало ей и дальше железной рукой управлять своей империей и уйти в мир иной в 2006 году.

Турецкая птица

У нее были странные, нетипичные для турчанки глаза – ультрамариново-голубые, солнечные.

– Ты – небо! – говорила мама и гладила черные, непослушные волосы дочки.

Но это осталось в прошлом, больше никто не называл ее небом, никто не пел ей странные, протяжные песни перед сном.

Мама умерла.

Когда ее определили в детский дом в Бурсе, она не плакала – родных не было, и идти ей было некуда. Тихая сосредоточенная девочка не доставляла проблем, не бунтовала, в меру своих сил училась, а в свободные часы любила сидеть в саду и смотреть вверх.

Туда, куда по словам воспитателей, ушла мама.

Шло время, весна сменялась осенью, опадали и вновь распускались листья, лишь небо оставалось все таким же неизменным, светлым и синим, как ее глаза.

Тем тёплым вечером она, как обычно, сидела в саду, и не сразу поняла, что ее уединение нарушено.

– Привет! – сказал подошедший мужчина.

– Здравствуйте, – она оторвалась от созерцания веточки и посмотрела прямо на него. Он был высокий, плечистый, со спокойной улыбкой.

– Ты чего тут сидишь? – спросил он, усаживаясь рядом с ней на траве, – сегодня ведь праздник, все твои друзья веселятся.

– Праздник... – она вздохнула, – это да. Только как-то не очень весело.

– Почему? – мужчина снял шляпу, положил ее себе на колени. Без шляпы он казался моложе и беззащитнее.

– Потому что ничего этот праздник не изменит, – тихо ответила девочка, – делегации приезжают в наш детдом и уезжают обратно, а мы остаёмся.

Мужчина помолчал, а потом спросил:

– Ты бы хотела что-то изменить?

– А что может изменить двенадцатилетняя девочка? Я ведь уже не ребёнок и давно не верю в чудеса, – синие глаза смотрели с вызовом, – и понимаю, что никогда не вернётся моя мама, и отец никогда не придёт. Я всегда буду одна, так что лучше привыкать к одиночеству. Я бы хотела, чтобы у меня была семья, сёстры и братья, и отец... но это невозможно. Также невозможно, как взлететь. Знаете, я люблю смотреть на птиц, они такие сильные, свободные, и у них есть небо...

– Ты не права, – улыбнулся мужчина, – я вот тоже многое хотел бы поменять, но люди не любят перемен. Многие им сопротивляются, есть даже те, кто ненавидят меня за желание изменить этот мир. Представляешь? Если честно, иногда мне страшно, что у меня ничего не получится. Но всегда надо верить в то, что делаешь, даже если страшно. И никогда не переставать мечтать.

Она с недоверием смотрела на своего собеседника. Неужели такой большой и спокойный мужчина может быть неуверенным и сомневаться в том, что делает? Ее учили, что мужчины все знают и умеют, и слова этого неизвестного были для неё открытием.

– Честно?

– Конечно честно, – мужчина улыбнулся, – я никогда не вру.

– Папа тоже никогда не врал, – девочка встала, – мне пора.

– Подожди, – он тоже встал, – пообещай мне одну вещь.

– Какую?

– Ты всегда будешь верить в чудеса. Пообещай прямо сейчас.

– Чудес не бывает, – она грустно улыбнулась.

– Бывают, – сам себе сказал мужчина, оставшись в одиночестве.

Через несколько дней ее вызвали в приемную директора. Нерешительная, она стояла у директорского стола и не верила своим ушам – мужчина из сада решил ее удочерить.

– Я не смогу заменить тебе мать, но любящего отца и семь дружных сестёр и братьев пообещать могу. Ну что, согласна?

– Как вас зовут?

– Мустафа, – просто ответил он, – но если ты захочешь и поедешь со мной, то сможешь называть меня просто папа.

Она кивнула, из синих глаз ливнем полились слёзы.

– У меня есть папа, я больше не одна, – и девочка бросилась ему на шею.

Он дал ей прекрасное образование, к ее услугам были лучшие учителя, но главное – у нее появилась семья. Приемные дети Мустафы, были друг другу по-настоящему родными, а отец любил всех одинаково, и все они любили его.

А еще его любила вся страна, и в народе его все чаще именовали Ататюрк, «отец турков».

– Никогда не переставай мечтать, Сабиха, – говорил он ей, когда она сомневалась в своих начинаниях, – нет ничего невозможного.

– Ага, разве что в небо полететь, – отшучивалась девушка.

Когда Мустафа Кемаль Ататюрк ввел в стране обязательные для всех турков фамилии, то дал своей приемной дочери Сабихе фамилию Гёкчен – что означает «небо».

– Папа, – смеялась Сабиха.

– Что папа? – недоумевал Мустафа, – вот тебе твое персональное небо, синеглазка.

И он был прав – небо не отпускало ее.

Небо манило, завораживало, звало.

Он взял ее с собой на смотр военной техники – и она захлебнулась восторгом; крылатые машины резали воздух, и с земли смотрели за ними полные восхищения синие глаза Сабихи.

– Нравится? – перекрикивая гул моторов спросил отец.

– Очень, – искренне ответила она.

– Хочешь попробовать? – то ли серьезно, то ли шутя сказал он.

– А можно? – глаза Сабихи сверкали.

– Можно, – кивнул он, и на следующий день Сабиха Гёкчен была зачислена в летную школу «Türk kuşu» («турецкие птицы»).

В 23 года она становится первым в Турции женщиной – пилотом.

Успехами Сабихи Гёкчен открыто восхищалась пресса.

Ей подражали, ее обожали, с нее брали пример прогрессивные турчанки. Невысокая, худенькая девушка завоевывала сердца людей, она не знала страха, не знала слова «не получится».

– Вот видишь, – смеялся Мустафа, – а ты говорила, что люди не летают.

В начале 1936 года Ататюрк убедил её поступить в Академию Воздушных сил для того, чтобы она стала первой женщиной – военным пилотом в Турции. Именно Гёкчен является первой женщиной штурманбомбардиром, напрямую участвовавшей в боевых действиях.

Ее душа принадлежала небу, там, под облаками, она чувствовала себя в своей стихии. Она летала, она учила летать других – на ее счету много талантливых выпускников школы «Türk kuşu».

Сабихе Гёкчен было 83 года, когда она совершила свой последний полет.

Когда вы прилетаете в Стамбул в аэропорт им. Сабиха Гёкчен – вспомните ее, эту невысокую девчушку с пронзительно синими глазами цвета неба.

Турецкую птицу.

Османские ордена Ивана Айвазовского

Удивительно, но Стамбул крепко связан, переплетен с историей России.

Например, художник Айвазовский. Да-да, тот самый, который «Девятый вал» написал, однажды чуть не поплатился репутацией и головой за свою любовь к Константинополю.

Но обо всем по порядку.

Первый раз Айвазовский оказался в Стамбуле в 1845 году в составе географической экспедиции под руководством Федора Литке, и город покорило его своим колоритом. Художник начал регулярно приезжать, сотрудничать с изобразительной школой Константинополя и помогать армянской диаспоре.

Айвазовского любили и уважали, а султан Абдул-Меджид I даже наградил его «Нишан Али» IV степени, а его преемник, султан Абдул-Азиз тоже остался в восторге от пейзажей русского живописца, и купил практически всё, что Айвазовский привез с собой в очередную поездку, после чего заказал еще десять картин с видами Стамбула и Босфора. Всякие визири и паши не пожелали отставать от повелителя и тоже наделали заказов.

В итоге Айвазовский выполнил тридцать работ, и в знак особого почтения к его заслугам султан вручил Айвазовскому орден «Османие» II степени.

Это все к чему я рассказываю? Да к тому, что пока Айвазовский рисовал, в мире шла Крымско-турецкая война, было подавление турками восстания греков, гонения и уничтожение армян и прочие политические моменты. Айвазовский, помогавший грекам и армянам, переживал конечно же за русский флот, как положено патриоту, но российское общество помнило, что художник в большом почете у турецких султанов.

И вот в 1888 году прошел в обществе слух, будто бы художник с супругой прибыли на свою выставку в Константинопольском русском посольстве. Мало того, будто бы в дар султану была преподнесена картина, а султан наградил Ивана Айвазовского очередным орденом.

Это был всего лишь слух, в 1888 году художник Стамбул не посещал, хотя ему и очень хотелось поехать, показать любимый город супруге, но он оценивал риск, которому и без этого подвергалась его репутация за дружбу с султанами, и не хотел усугублять ситуацию. С картинами в Константинопольское посольство он отправил своего племянника, который регулярно сопровождал картины именитого дяди в разные уголки земного шара и роль эта была для него не нова.

Но все пошло не по плану.

Сначала были провокационные отзывы в российских газетах – выставку хвалили, выставке рукоплескали, репортеры захлёбывались эпитетами, но в то же время указывали, что художник в Константинополе, а ведь его там не было!

Вишенкой на торте стало явление племянника во дворец султана – ему было велено без лишнего шума подарить повелителю три картины, а в итоге султан заочно награждает Айвазовского «Меджидие» I-й степени, о чем громогласно заявляет на весь город.

Российское общество накалилось до предела, все под влиянием прессы думают, что художник лично отправился в поездку, и Айвазовскому приходится писать письмо за письмом, объясняя всем и каждому, что никаких наград он не просил, дружбы турецкого султана не искал, и вообще в Константинополе в последние годы не был, но все было тщетно.

Иван Айвазовский собирает вещи, холсты, и едет домой, в Феодосию.

Там, дома, хранит он свои ордена Османской империи. И думая о них, он злится на несправедливые обвинения в перебежничестве, на прессу, на племянника, и на султана, который награждает его орденами – и тем самым подвергает опасности его репутацию и честь.

Не переодевшись с дороги, не разобрав вещи, Иван Константинович Айвазовский достает османские ордена... и цепляет их на ошейник своей собаки, после чего идет гулять по городу. Пес с драгоценностями привлекал внимание, к художнику присоединялись люди, задавали вопросы, и пройдя через город, к морю пришла уже целая толпа любопытных граждан. Сев в лодку и отплыв от берега на глубину, Айвазовский поднял сверкающие драгоценными камнями ордена над головой – и бросил в море.

Тщетно потом ныряли портовые мальчишки, в попытке добыть бриллианты с морского дна.

Море не отдало своей добычи.

А потом Айвазовский вернулся домой и написал письмо, в котором просил консула передать султану, что тот может с его картинами поступить точно таким же образом...

Но султан не стал выбрасывать картины гениального художника в Босфор. Он был дальновидный и бережливый, и справедливо рассудил, что картины ни в чем не виноваты и по-прежнему очень даже ему нравятся.

Послесловие: на сегодняшний день турецким государственным учреждениям принадлежит 41 полотно кисти художника: 10 из них находится в президентской резиденции, 21 – во дворцах османских султанов, еще 10 картин – выставлены в различных морских и военных музеях страны. Также еще около 10 картин художника находятся в частных коллекциях в Стамбуле.

50 лир для Мушфики Кадын Эфенди

Все мы дети своего времени, воспитанные и привыкшие жить так, как нас учили. Хотим мы этого или нет – но наша судьба и действия во многом определяют привычный уклад жизни, воспитание и то, как и по какому пути были пройдены предыдущие годы.

Но иногда случается так, что эпоха уходит прежде человека. И тогда остаются они – искорки, осколки ушедших эпох, которым нет места во внезапно пришедшем на смену привычному новому, непонятном мире.

Деревянный дом в Серенджибее Мушфика любила, и почти не покидала его стен. Он был совсем небольшой, но в этом доме она могла поддерживать привычный для себя образ жизни, могла не видеть происходящего в стране, не предаваться лишним раз горестным мыслям.

Это оберегало от отчаяния.

От греха.

Да и ходить было некуда.

И незачем.

Вставала обычно рано, по многолетней привычке, строго соблюдала время молитв, вела нехитрое хозяйство. В свободное время, которого у нее в последние годы жизни было слишком много, читала Коран, или же предавалась воспоминаниям.

Она собиралась с мыслями долго, морально готовилась, несколько недель не решалась взять в руки бумагу, но что-то нужно было сделать. Она слабо представляла себе, что и как, но призвав на помощь Всевышнего, после обеда села за маленький столик, долго смотрела на белый бумажный лист и, наконец, начала писать:

«Господин премьер-министр, я четвертая жена султана Абдулхамида II. Я согласна, что эта эпоха закончилась навсегда. Все члены династии были вынуждены покинуть страну...»

Строчки давались с трудом, она не знала, как объяснить этому человеку, занимающему сейчас пост премьер-министра, свою просьбу. Не понимала, какие слова нужно подобрать, чтобы он понял и услышал ее.

Несколько раз перечитав написанное, Мушфика закрыла глаза и начала вспоминать...

– Мама, мне страшно, – маленькая Айше дергает мать за руку, – я боюсь!

– Не бойся, – спокойно и обстоятельно уже в который раз повторила мама, – нас примет валиде, и, если ты ей понравишься, то тебя возьмут в гарем. Получишь образование, а там и замуж тебя выдадим за достойного человека. Ну, смотри веселее, вот так!

Идущая рядом сестра Фатима скорчила гримаску.

– Трусиха Айше, – сказала с вызовом, – а я вот не боюсь! Я понравлюсь валиде, а потом в меня влюбится султан и я стану его женой.

Эмине-ханым обняла дочерей, прижала их к себе.

– Все в руках Всевышнего, ну, пойдемте. Мне тоже страшно и сложно отпускать вас, девочки мои, но вы знаете, мы не богаты и я не смогу устроить вашу судьбу. Может, валиде Пертевниял-султан поможет и направит вашу жизнь?

Тогда Айше не знала, что именно в этот день началась ее дорога к сердцу Абдул-Хамида, которого она будет любить до его последнего часа на этой грешной земле, а также к жизни, полной горечи, лишений и чувства долга.

Вздвигнув, Мушфика отогнала мысли и вывела следующую строку.

«Все члены династии были вынуждены покинуть страну. Я не покинула свою любимую страну, воспользовавшись разрешением...»

Она вздохнула.

Куда ей было ехать? Дочь уехала в Париж, она молода и может устроить свою жизнь как пожелает, а что ей, Мушфике, делать в Париже? Она не понимает устоев Запада, и будет там белой вороной, кандалами на ногах дочери, обузой. Да и Абдул-Хамид бы не одобрил того, что его любимая, самая младшая, робкая и добрая жена стала бы ходить по улицам европейских городов.

Уж лучше тут.

Тут есть этот маленький дом, тут говорят на ее родном языке, тут спит вечным сном ее любимый. Любимый...

Мысли рассеивались, путались, улетали в прошлое. Туда, где пылал иллюминациями праздник во дворце валиде-султан, туда, где юная и тихая Айше стояла, замерев, и смотрела на взрывающееся фейерверками небо, а он, увидев ее, потерял покой.

– Айше, Айше, – раскрасневшаяся Фатима влетела в комнату, наполнив собой, искрящейся молодой радостью все пространство, – нас переводят! Нас забирают в Йылдыз! Айше!

Она тогда испугалась. Как переводят? Как забирают? Почему? Неужели вот эта встреча, произошедшая час назад, на празднике с султаном и пара слов, которыми они обменялись? Нет, не может быть, что в ней? Тихая, неприметная девушка, несколько слов вежливости – и все. Наверное, Фатима что-то сделала или сказала, она может, вот уж кем впору восхищаться.

– Почему? – только и смогла выдавить из себя девушка, – Валиде больше не хочет нас видеть рядом с собой?

– Приказ Абдул-Хамида, – на одном дыхании выпалила Фатима, – ну, признавайся, что? О чем вы говорили на празднике?

Обсудить праздник девушки не успели, началась спешная подготовка к переезду сестер во дворец Йылдыз. И очень скоро, 12 января 1886 года Айше, получившая в подарок от султана уникальный экземпляр священного Корана и новое имя – Мушфике – стала четвертой женой султана Абдул-Хамида II.

Мушфике улыбнулась мыслям.

Вот ведь как бывает – сестра в детстве грезилась о троне, а вышла замуж за сына портного, а она, тихая и неприметная, приглянулась повелителю.

Впрочем, для нее он не был султаном, был просто человек, со своими достоинствами и недостатками, но она любила его. Тот покой, который она обретала рядом с ним, та радость от того, что она, Мушфике, нужна и важна такому умному и важному человеку, согревала ее душу, наполняла теплом все ее существование. Она была женой, потом стала матерью. Была собеседником, другом, утешителем, поверенным обычных, человеческих, не государственных мыслей. Она, единственная, каждый день обедала с ним, часами сидела в его покоях, слушала – и отвечала.

Там, в глубине души, Мушфике не понимала за что ей такая честь и такое счастье, но радовалась ему и благодарила Всевышнего.

Она еще раз перечитала написанные строки, и уверенно вывела дальше:

«Но у меня нет дохода, кроме 200 лир, которые выдаются по вашему указанию. В течение многих лет я жила в полном одиночестве, молясь за государство и мой народ, отказавшись от всех потребностей человека, живущего в обществе, чтобы жить, сохраняя историческую честь...»

Сохраняя историческую честь. Именно так, подумалось ей, это и должно звучать. Она умела и умеет только это – жить, сохраняя свою честь и честь мужа, и не важно, живой муж или покойный.

Большему, ее, к сожалению, или к счастью, никто не научил.

Она была с мужем до конца – сначала во дворце, затем в ссылке в Салониках, и в последний час 10 февраля 1918 года, когда Азраил вошел в ворота Бейлербеи за душой Абдул-Хамида II, она держала его на руках, пытаясь согреть своим теплом умирающее тело. Самую свою большую драгоценность – подаренный редкий Коран – она пожертвовала благотворительному фонду для поддержания мавзолея мужа.

Мушфика не скучала по жизни во дворце. Не тосковала по нарядам, прислуге или своей малой канцелярии, где она читала и писала, бывало, гораздо более веселые письма, чем это, нет. Ей не хватало только одного – ощущения тихого счастья, заключающегося в простой нужности мужчине и близости к ребенку.

В новом мире она не очень-то понимала, и жила как умела – тихо, скромно, ожидая смерти и встречи со своим господином по ту сторону жизни. Лишь крайняя нужда заставила ее сегодня взять в руки бумагу и написать это письмо, просящее, жалкое, трогательное. Письмо неизвестному ей человеку, безразличному к ней человеку, от милости которого она теперь зависела.

Ей было стыдно его писать.

Мушфика дописала последние строки, поднесла листок к глазам и внимательно перечитала письмо полностью:

«Господин премьер-министр, я четвертая жена султана Абдулхамида II. Я согласна, что эта эпоха закончилась навсегда. Все члены династии были вынуждены покинуть страну. Я не покинула свою любимую страну, воспользовавшись разрешением, предоставленным законом, осталась под его защитой, но у меня нет дохода, кроме 200 лир, которые выдаются по вашему указанию. В течение многих лет я жила в полном одиночестве, молясь за государство и мой народ, отказавшись от всех потребностей человека, живущего в обществе, чтобы жить, сохраняя историческую честь. Однако 200 лир недостаточно для поддержания такой жизни. А кроме поддержки государства и народа у меня ничего нет. Я хотела бы целовать ваши глаза с любовью и молитвами, а также прошу немного повысить мое пособие. Если это возможно. Мушфика Кайысой, Серенджибей, 1954 г.»

Одевшись как полагается, Мушфика впервые за несколько лет вышла из дома и пошла в почтового отделение, чтобы отправить свое послание.

Через несколько месяцев содержание Мушфики Кайысой Кадын-Эфенди было повышено на 50 лир и до самой ее смерти 18 июля 1961 года в возрасте девяносто трех лет составляло 250 турецких лир.

Премьер-министра Турции и иных чиновных лиц она более никогда не тревожила и ни о чем не просила.

Человек, который продал Стамбул

Ранним утром в небольшой уличной забегаловке неподалеку от Таксим сидели двое, неспешно тянули чай.

– Осман, да брось ты, – недоверчиво говорил тот, что помладше, – идея полный бред, ничего не получится.

Тот, что был постарше, поправил кепку, почесал губу, отхлебнул еще чая и усмехнулся.

– Самые бредовые идеи – самые прибыльные, учись, Ферхад, пока я тут.

Закончив с чаем, друзья поднялись, тот, кого называли Османом, подхватил стоящий у стола небольшой свернутый коврик, и парочка отправилась на площадь.

Оглядевшись по сторонам, Осман выбрал около площади переулок поуже, расстелил свой ковер прямо на брусчатке, лихо дернул кепку на левый глаз – и напустился на прохожего, который, не замедляя шаг, пошел было прямо по коврику.

– Куда, куда, уважаемый! Стой!

– Что такое? – обеспокоился прохожий.

– Газеты читать надо, вот что! Много вас тут ходит, а Таксим-то один! Плату, пожалуйста, 2 лиры!

– Но позвольте... – недоумевал прохожий, – как же так...

– Не задерживайте, уважаемый, вон сколько уже за вами людей, платите и проходите, или не платите и идите себе другой дорогой, дорог в Стамбуле много. Нет денег – ходи по бесплатной дороге, а эта платная!

Под недовольное бурчание прохожего на руку Ферхада опустились две монеты.

Наблюдающие за этой сценой другие прохожие поспешно рылись по карманам в поисках монет и попутно сетовали – надо же, какое новшество ввели! Все кругом дорожает, вот и Таксим уже платным стал. Туристы же и приезжие, не знающие порядков, так и вовсе не выказывали недовольства, надо так надо, платить так платить.

Осман работал быстро, объяснял новые правила площади Таксим четко, а Ферхад только успевал принимать оплату за проход да сдавать сдачу, если у кого не было двух лир.

К обеду в карманах предприимчивых молодых людей уже было достаточно денег, чтобы свернуть коврик и спешно ретироваться подальше от площади.

– Ну вот, Ферхад, а ты говорил бред, – Осман довольно похлопывал себя по карманам, – пять часов горлодерства, один испорченный ногами старый ковер, и можно гулять. Главное – уверенность в себе и вера в то, что ты делаешь.

Глаза Ферхада светились, на лице проступал неподдельный азарт.

– Осман-аби, завтра встречаемся тут же? Это ж два-три таких денька еще...

– Вот ничему ты не учишься! – назидательно сказал Осман, – нет в тебе размаху и полета души. Нас сегодня срисовали, к вечеру пойдет слух по городу, наверняка кто-то да напишет заявление, оно тебе надо? Денег теперь есть, вечером пойдем в ресторан, как приличные люди, отдыхать будем, а заодно и подумаем, как еще можно заработать на человеческой глупости.

– А чем мы не приличные? – заржал Ферхад, – поработал, можно и отдохнуть, заслужили.

Осман отвесил приятелю дружеский подзатыльник.

– Ты лучше подумай, где взять пару приличных для деловых и обеспеченных людей костюмов, работяга.

Ферхад ушел, а Осман, закурив крепкую сигарету, что позволял себе не часто, пробормотал:

– Значит, работает. Стадное чувство, немного самоуверенности и главное – осторожность. Что же, я понял, можно действовать.

В ресторане было шумно и накурено, никто не обращал внимания на двух со вкусом одетых молодых людей, которые негромко переговаривались меж собой:

– Мне нужно, чтобы завтра ты сыграл роль нотариуса, Ферхад. Так что оденься соответствующим образом, и это... Квартира твоего приятеля Юнуса же сейчас пустая?

– Пустая, но я не понимаю...

Осман нахмурился.

– Ферхад, тебе не нужно ничего понимать. Тебе нужно делать то, что говорю я и складывать в карман деньги, которые я любезно тебе предоставлю за помощь. Так, завтра ты в виде нотариуса средней руки встретишь меня и клиента в квартире, и завизируешь договор аренды сроком на три года. Договор пожалуйста напиши типовой...

– Откуда я знаю, как выглядит типовой договор, я ж не нотариус! – попробовал было заупрямиться Ферхад.

Осман улыбнулся.

– А вот тут ты прав на все сто, потому что ни один приезжий не знает, как выглядит турецкий типовой нотариальный договор, не та эта вещь, с которой каждый день в жизни сталкиваешься. И именно на этом мы и сыграем.

Ферхад откинулся на спинку стула:

– Как сыграем?

– Завтра увидишь, и я буду не я, если не смогу повернуть это дело.

На следующий день Осман Зия Сюлюн и его подельник и друг Ферхад за приличную сумму сдали в долгосрочную аренду сроком на три года доверчивому приезжему красный трамвай, что курсирует по маршруту «Таксим – Тунель».

Конечно, фактически все было обманом и ложью – просто группка людей, нанятая тут же на полчаса из дворовых бездельников, что фотографировалась на фоне исторического транспорта якобы за деньги, просто Осман, что брал с них деньги за якобы фото, любопытный приезжий богач, умело выделенный из толпы приглашением сделать фото бесплатно...

Затем следовал небольшой разговор двух деловых людей. Осман жаловался, что бизнес его крайне доходен, но он страшно устал и мечтает об отдыхе в деревне, богач удивлялся небольшой сумме, что Осман хотел за сдачу трамвая в аренду и доходам, которые приносил красный трамвай, просто стоя на одном месте. Слово за слово, посиделки в уличном кафе – и вот богач, овеянный романтикой стамбульских улиц, небольшой дозой алкоголя и не слишком большими по его западным меркам затратами, космической доходностью бизнеса и природным очарованием Османа Сюлюна, уже стоит на пороге respectable квартиры частного нотариуса, подписывает бумаги, мужчины ударяют по рукам – и новоявленный владелец трамвая, страшно довольный удачной сделкой, идет к месту стоянки «своего» транспорта, а транспорт уже тютю, уехал. Да и Осман растворился в стамбульских переулках, и главное – нотариус тоже исчез и никто во дворе никакого нотариуса не знает, не было его тут никогда.

А главное – плакали денежки приезжего богатея за трехлетнюю аренду. Не слишком большие по западным меркам бизнесмена, но довольно солидные в стамбульских реалиях.

К тому же, обидно – так глупо потерять хорошие деньги на банальном разводе.

В полицейских участках Стамбула копились заявления несчастных жертв неизвестного наглого мошенника. Платный вход на Таксим, продажа и сдача в аренду истикляльских трамваев и городских вапуров, продажа Галатской башни, сдача в аренду часов на башне Долмабахче и продажа самого дворца... Полицейские сочувствующие кивали, принимали заявления, подшивали их к делу – но на этом все заканчивалось. Все пострадавшие описывали разного человека – у одних он был с усами, у других и вовсе без усов, одни говорили о высоком росте – другие же утверждали, что рост был средний, кто-то говорил о быстрой походке – а кто-то заявлял, что мошенник хромает. Все сходились в одном – они были под влиянием небывалой

уверенности и харизмы обаятельного человека и все сожалели не только о деньгах, а и о том, что «такой милый человек оказался негодяем».

Наглость предприимчивого мошенника не знала границ. Пока полиция выставляла кордоны согласно последнему заявлению на Долмабахче, он продавал Галатскую башню. Полиция бежала туда – а Осман уже торговал мысом Сарайбурну.

Он был везде, неуловимый и самоуверенный.

Лишь один человек во всей полиции Стамбула, читая многочисленные заявления пострадавших, морщил лоб, покусывая большой палец, вновь и вновь листал показания и думал: «Этого не может быть, этого просто не может быть».

Ему вспоминалось жаркое лето 1935 года, берег Босфора – и его друг Осман.

Они, еще мальчишки, сидели тогда на берегу после купания под вечерним ласковым солнцем и Осман мечтательно говорил:

– Во увидишь, друг Салим, я вырасту и смогу купить все. Мы будем есть в лучших ресторанах, одеваться в лучшие вещи, я куплю часы – настоящие карманные часы тебе, и себе, и мы, важные и взрослые, будем ходить по Рю де Пера и...

– Ага, – лениво отозвался Салим, – мечтай, как же. Откуда у тебя столько денег будет?

– А я обману всех! Я вчера тетку Хатиджу обманул, а ее не проведешь, ты же знаешь ее скверный нрав. А я сумел – сказал что какой-то налог и ничего я не понял, но томат на 15 курушей дороже. А томаты-то на базаре по той же цене, смекаешь?

– Ну и что?

– А то, ослиный ты сын, что 15 курушей я себе в карман положил! Вот, смотри!

Осман роется в карманах одежды, вынимает и с гордостью показывает несколько монет. Салим с жадностью глядит на целое состояние по мальчишеским меркам.

– Вот так и всех я обману, главное – делать это уверенно, самому верить в то, что говоришь. Я вот вчера верил и даже почти злился, когда тетке Хатидже рассказывал про налог и цену на базаре.

– Так она ж узнает!

– Так она когда еще узнает и узнает ли, и вспомнит ли, и вообще законы все время меняют. Да и уеду я скоро, меня наверное к дяде отошлют, на заработок. А вот вернусь – и всех обману, надо будет, весь Стамбул обману. Надо будет – Галатскую башню выкопаю и продам, и Галатский мост с ней вместе!

Салим невольно развеселился:

– Ага, кто-то купит мост, держи карман шире!

– Не умеешь ты мечтать, Салим! – глаза Османа загорелись, – купят, плохой мост что ли? Зато денег отвалит! И вот продам я его, и пройду султаном по Рю де Пера! А потом сяду на огромный корабль и уеду в неведомые страны...

Идиллию нарушил пронзительный крик. На берег, ковыляя по-утиному, почти бежала женщина в черных одеждах:

– Ах ты овечий ты сын, да чтобы тебя земля не носила, да чтобы тебе покоя не было, налог новый значит! Ах ты собачий хвост, да я тебя...

– Тетка Хатиджа! – заорал Осман, – бежим!

Парни схватили вещи и со всех ног бросились прочь.

И вот сейчас кто-то продает Галатскую башню, часы Долмабахче и прочее достояние республики.

Совпадение? Или Осман решил исполнить мечту детства?

На часах два ночи, лишь комиссар полиции Салим Чатай все смотрит и смотрит на карту Истанбула, обводит места мошенничества красным карандашом. Уже выпито немало кофе, уже луна, рыжая и наглая, смотрит в окна, словно говоря – нужно спать. Уже на столе нет места от бумаг и комиссар трет покрасневшие от усталости глаза.

К утру у него был готов план действий, а единственная найденная зацепка, призрачная, логичная и нелогичная одновременно, должна была привести к поимке Османа Сюлюна, самого наглого мошенника в истории Стамбула.

Расчёт комиссара Чатай был прост – наглец уже продал все, что только можно, не тронут оказался лишь Галатский мост. И припоминая тот старый детский разговор, он предположил – Осман оставил его напоследок, это будет венец карьеры, после этой сделки исполнится мечта, султаном пройдет Осман по Рю де Пера, после чего будет ждать его белый пароход и безбедная жизнь вдалеке от Стамбула.

И Салим Чатай уговаривает руководство полиции устроить засаду на Галатском мосту. Переодетые в штатское полицейские днем и ночью прогуливались туда-сюда, рыбаками стояли у бортиков – и расчёт оправдался. Один из согладатаев услышал разговор двух уважаемых граждан, в котором один рассказывал другому как это выгодно, иметь в собственности Галатский мост.

Дальнейшее было делом техники – наружное наблюдение 24 часа, и когда сделка была почти совершена, Османа арестовали.

– Не умеешь ты мечтать, Салим, – бросил на ходу арестант, признав в комиссаре полиции друга своего детства, – не умеешь. А жаль.

Послесловие: Осман Зия Сюлюн вошел в историю как человек, который продал Стамбул. Оказавшись за решеткой, он читал лекции на тему «Как жить и работать в поте лица», а французы приглашали Османа на конференцию, посвященную самым крупным аферам мира, но приглашение было отвергнуто, так как переводчик, предоставленный консульством, слишком напоминал Осману мошенник! Реальные подробности операции поимки Османа на Галатском мосту неизвестны, так что комиссар Салим Чатай является плодом фантазии автора.

Ты помнишь, Босфор?

Бирюзовые волны мягко касаются берегов, ласково, приветливо.

Кружат, крича, вечные спутники Босфора – чайки, золото заката красит птиц в кроваво-красный, тревожный цвет.

Скользят по глади воды солнечные лучи, пляшут отражения, дробятся, раскалываются, тонут в глубине.

Я вглядываюсь в темноту бирюзового портала, ища в глубинных бликах образы той давней, полузабытой истории.

Расскажи мне, Босфор...

Ведь ты – помнишь?

Каскад темных волос, огромные глаза с лихорадочным блеском любви, изящный стан – невозможно было не любоваться Назиб-ханум. Недаром жила в гареме – пропуском туда послужила редкая, чарующая красота, а природное обаяние и острый живой ум не оставили равнодушной сестру султана, Эссемах-султан, которая взяла девочку к себе и назвала приемной дочерью.

Да только последнее время далеко летали мысли юной черкешенки – случайная встреча, несколько взглядов, легкое касание рук, и сердце птицей улетело за стены дворца, туда, где гулял вольный соленый ветер, где хлопали паруса кораблей.

Не радовала более Назиб ни милость Эссемах-султан, ни перспектива выйти замуж за видного при османском дворе пашу – красивый греческий купец, не богатый, не знатный, всех достоинств что торговый корабль да пронзительные черные глаза, легко унес с собой душу девушки, лишил сна.

В опасную игру играла Назиб-ханум – грек был христианином, а при дворе османского султана христиан не терпели. Узнает кто о запретных чувствах – церемониться не станут, придут ночью, сунут в мешок, туда же пушечное ядро положат, и в Босфор скинут.

Ищи потом – не найдешь.

И сестра повелителя не поможет, с изменников спрос строгий.

Ты же помнишь Назиб-ханум, Босфор?

Помнишь, как опасно смотрела она на твои беспокойные волны, содрогаясь, думая о холодной смерти?

Она не была искушенной в жизни, плохо разбиралась в людях, доверяла своему избраннику. И, рискуя жизнью, писала ему письмо, где выбрала день и час, и велела ждать ее напротив дворца, со стороны, ближайшей к морю, потому что спасти их мог только побег.

Слуги дворца во все времена были охочи до денег, и Назиб было не сложно найти женщину из числа проходящих греческих работниц гарема, которая за достойную сумму принесла ей европейское платье да густую вуаль. Сложила драгоценности и бриллианты, которые дарила ей покровительница, собирая достойное приемной дочери приданое, прихватила пару драгоценных безделушек из дворца – не с пустыми руками придет она к своему избраннику.

Колотилось испуганное сердце, рвалась на две части душа – черной неблагодарностью платила своей покровительнице Назиб, но любовь к мужчине оказалась сильнее чувства долга и дочерней любви.

В день ее побега во дворец с визитом приехали европейские дамы, сопровождающие их мужчины ожидали на улице, и Назиб – ханум легко проскользнула меж дворцовой стражи, протянула руку ожидающему ее мужчине, и вместе с ним на лодке отправилась к кораблю.

Меж собой стражники удивились – надо же, как похожа заезжая европейская дама на приемную дочку сестры султана! Но дальше удивления дело не пошло, и Назиб – ханум благополучно покинула Стамбул.

Ты же помнишь ее улыбку, Босфор?

И как радостно смотрела она в синюю морскую даль, в ожидании счастливой жизни с любимым?

На следующий день Эссемах-султан тщетно искала Назиб-ханум, девушка будто испарилась, растаяла вместе с босфорским туманом, и лишь через несколько месяцев до султанского дворца дошел слух, что в Галаце она вышла замуж за своего любимого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.